

Б.Л. Бойко*

ЯЗЫК ОБРАЗОВАННЫХ В СОЦИУМЕ

Понятие «языка образованных» (*Sprache der Gebildeten*) мы заимствуем у немецких лингвистов, где оно применяется к именованию той формы существования языка, того идиома, который не только функционирует в образованных слоях общества, но и характеризует тех, кто пользуется им, в социальном отношении. Греческий язык в восточных провинциях поздней Римской империи был столь же престижен, что и латинский на Западе. Знание греческого языка в Римской империи считалось обязательным для каждого образованного человека, способствовало карьере в административной и военной службе.

Языком образования и образованных в Европе был латинский язык. Функции международного языка науки и художественной литературы латинский язык выполнял со времени падения Западной Римской империи вплоть до исхода XVIII века. «По-латыни не только писали, но и говорили: это был разговорный язык, объединявший многочисленных образованных людей того времени: когда мальчик-шваб и мальчик-сакс встречались в монастырской школе, а юноша-испанец и юноша-поляк – в Парижском университете, то, чтобы понять друг друга, они должны были говорить по-латыни. И писались на латинском не только трактаты и жития, но и обличительные проповеди, и содержательные исторические сочинения, и вдохновенные стихи».¹

Ученые занятия в университете Средневековья предполагают знания греческого и латинского языков. Так Вагнер, ученик Фауста, нарушает уединение своего учителя Фауста, взывавшего к сущностям потустороннего мира:

WAGNER:

Verzeiht! Ich hör' Euch deklamieren;
Ihr last gewiss ein griechisch Trauerspiel?²

Вагнер: Простите, не из греческих трагедий // Вы только что читали монолог?³

Не должно удивлять читателя и то, что Мефистофель, укрывшийся под мантией Фауста, оставляет по просьбе будущего школяра строку из Ветхого завета на латинском языке: *Eritis sicut Deus scientes bonum et malum*.⁴

На латинском языке сочиняли свои произведения ваганты – странствующие, в дословном переводе «бродячие». Вагантами конца раннего Средневековья (IX—XI вв.) были священники, не имевшие своих приходов, и монахи, покинувшие свои монастыри. К ним примешивались мнимые клирики – бродяги, которым было выгодно притворяться духовными лицами, чтобы избегать повинностей, податей, а в иных случаях – суда и наказания. И те, и другие скитались по дорогам Европы из города в город, от монастыря к монастырю. Социальный состав и образованность вагантов возрастала от века к веку, «корпоративная организация европейских университетов XII—XIII веков спланивало этот бродячий люд в единое ученое сословие».⁵ Клерикальные власти преследовали бродячих священников и монахов. Преследуемые отвечали церкви антиклерикальным содержанием своих песен:

«Эй, – раздался светлый зов, –
Началось веселье!
Поп, забудь про часослов!
Прочь, монах, из кельи!»
Сам профессор, как школяр,
Выбежал из класса,

* **Бойко Борис Леонидович**, кандидат филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета.

Ощувив священний жар
Сладостного часа.⁶

Средневековая культура была двуязычной, наряду с латинским, в коммуникативных процессах использовались местные языки, однако в эпистолярной практике использовался исключительно латинский язык. Тем, кому не доставало собственных знаний, на помощь прибегали писцы: отправитель диктовал писцу текст на родном языке, тот оформлял текст на латинском языке, получатель, если он затруднялся в чтении латинского текста, вновь прибегал к услугам писца, который и истолковывал содержание на местном наречии. И все же «знание латыни было первым признаком, отделявшим «культурного» человека от некультурного...».⁷ Латинский язык эпохи Возрождения вплоть до Джордано Бруно и Галилея был языком философии и естественнонаучной литературы, его использование для научных целей и в ученых кругах разумелось само собой.⁸

Истории немецкого языка известны факты использования различных идиомов в роли языка образованных. Языковая ситуация Франкской империи V—VII вв. характеризуется абсолютным господством латинского языка, как языка государственной религии – христианства, однако, начиная с VIII в. наблюдается возрастание роли языка христианской письменности, несущей на себе следы региональной окраски.⁹ Языковая ситуация эпохи расцвета феодальной культуры Высокого средневековья XII—XIII вв. характеризовалась использованием обработанных литературных форм немецкого языка в сфере художественной литературы и в проповедях. Духовенство, более образованное, чем светская знать, овладевало основами латинизированной европейской культуры, но и владело разными формами немецкого языка, включая на уровне отдельных представителей духовенства также ту или иную степень владения поэтическим языком.¹⁰

Распространение университетского образования способствует росту числа академически образованных людей. К концу XVI в. две трети выпускников университетов составляли лица духовного сана, юристы, учителя, служащие, врачи. Возрастает социальный престиж образованных людей, многие из них занимают важное положение в иерархической структуре общества, наиболее авторитетные пользуются привилегиями дворянства. Образованных людей объединяет однотипность образа жизни, занятие преподаванием и науками, отдельное направление представлено людьми, занятыми книгоиздательской деятельностью. Наблюдается тенденция устойчивого двуязычия: на латинском языке ведется преподавание в университетах и школах, школьные уставы требуют от учителей, чтобы они общались с учениками старших классов на латыни, большая часть книг издается на латинском языке. Противоположная тенденция находит выражение в том, что ученые выступают за изложение основ научных знаний на немецком языке. В произведениях нюрнбергских мейстерзингеров, того же Ганса Сакса, в текстах, обращенных к демократическим кругам читателей, предпочтение отдается немецкой речи низших слоев общества: *ach, sag mirs teutsch, ich bit dich drum! Ich kan warlich kein Laperdein* (ах, прошу тебя, говори со мной по-немецки, я, право, не знаю этой латыни!). В окказионализме *Laperdein*, образованном из *Latein* (латынь) и *labern* (болтать) выражено неприятие чужого, до конца не осваиваемого языка.¹¹

Но не только литературный язык выполняет функции внутригруппового общения в среде образованных. Серединой XVI в. датируется экспансия верхненемецкого в направлении с юга на север: «Люди, имеющие гуманитарное образование, приносили с собой с юга язык высокой образованности – верхненемецкий».¹² Верхненемецкий в первую очередь осваивается синдиками, профессиональными должностными лицами Любека, имеющими высшее юридическое образование. Вслед за синдиками верхненемецким овладевают секретари канцелярий, также имеющие специальное образование. В то же время бургомистрам и членам городского совета, уроженцам Любека, для которых нижненемецкий язык был родным, на усвоение верхненемецкого потребовались дополнительные полтора десятка лет.¹³

Средневековая латынь науки и образования распространяется и на российской почве. Латинский язык многих научных трудов М.В. Ломоносова был языком современной ему европейской науки. Изучив в течение короткого времени латинский язык в Славяно-греко-латинской академии, Ломоносов осваивает с его помощью не только основы европейской науки, но и создает на латинском языке тексты своих наиболее

значительных трудов по физике, химии, астрономии, минералогии. Обращает на себя внимание тот факт, что 18 из 34 главнейших трудов М.В. Ломоносова в области естественно-исторических наук, которые приводит Б.Н. Меншуткин в Русском биографическом словаре, написаны на латинском языке. Признавая латинский язык в качестве единственного языка науки и образования, используя его в переписке с европейскими учеными, Ломоносов осознает необходимость создания современных ему научных курсов на русском языке. В 1746 году Ломоносов завершает перевод с латинского языка на русский экспериментального курса физики своего учителя Вольфа, в том же году он подготовил и прочел публичный курс лекций по этому предмету в Петербургском университете, где преподавание велось на латинском языке.¹⁴

К исходу XVIII века латинский язык исчерпывает свои функции языка науки, сохраняя «отраслевое» применение в области естественнонаучной систематики Линнея, а также анатомической, медицинской и фармакологической номенклатуры. В России в течение всего XIX века вплоть до начала XX века он выполняет функции демонстрации принадлежности к образованным слоям общества. Для этого достаточно уже не полное, а фрагментарное владение языком на уровне вкраплений, не сопровождаемых переводом. Это хорошо подмечено А.С. Пушкиным:

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.¹⁵

Полагаем, что знания латинского языка одним из образованнейших людей XIX века А.И.Герценым были несравненно обширнее, чем у пушкинского Евгения Онегина. На страницах художественных мемуаров «Былое и думы», наряду с французскими, итальянскими, немецкими и английскими вкраплениями, встречаются вкрапления из латинского языка. Они хорошо вписаны в русскую строку, экономны по форме и емки по содержанию. В тексте мемуаров латинские вкрапления встречаются намного реже, нежели французские, выражая тот уровень образования пишущего, по которому можно судить о его социальной среде. Сделаем несколько выписок из текста художественных мемуаров А.И. Герцена:

«Народ русский отвык от смертных казней: после Мировича, казненного вместо Екатерины II, после Пугачева и его товарищей не было казней; люди умирали под кнутом, солдат гоняли (вопреки закону) до смерти сквозь строй, но смертная казнь *de jure* не существовала».¹⁶

«Голохвастов затруднился, произнес длинную речь, где плодовито изложил *pro* и *contra*, заключил ее тем, что, впрочем, разрешить присылку корректурных листов в цензуру можно, буде автор, удостоверит, что в его книге нет ничего против правительства и нравственности».¹⁷

Латинские вкрапления в приведенных фрагментах легко прочтываются и современным читателем, который с латинизмами встречается в текстах, относящихся к сфере медицины, юриспруденции, международного права. Несколько непривычно «смотрятся» вкрапления из латинского в контексте бытовых сцен:

«Обед подавался на особенном английском сервизе из жести или из какой-то композиции, купленном *ad hoc*. Между тем лошади были заложены; в передней и в сенях собирались охотники до придворных встреч и проводов: лакеи, оканчивающие жизнь на хлебе и чистом воздухе, старухи, бывшие смазливymi горничными лет тридцать тому назад...».¹⁸

«Печальная и самобытная фигура Чаадаева резко отделяется каким-то грустным упреком на линючем и тяжелом фоне московской *high life*. <...> Десять лет стоял он, сложа руки, где-нибудь у колонны, у дерева на бульваре, в залах и театрах, в клубе и – воплощенный *veto*, живой протестацией смотрел на вихрь лиц, бессмысленно вертевшихся около него...».¹⁹

И только представителями высшего дворянства с университетским образованием могли быть без перевода поняты латинские вкрапления, извлеченные из ориги-

нальных текстов древнеримских авторов:

«Что такое был теоретический интерес и страсть истины во времена таких мучеников разума и науки, как Бруно, Галилей и пр., мы знаем. Мы знаем и то, что была Франция энциклопедистов во второй половине XVIII века, – а далее? А далее – *sta, viator!*».²⁰

«Года за полтора перед тем познакомились мы с В., это был своего рода лев в Москве. <...> Мы с завистью посматривали на его опытность и знание людей; его тонкая ироническая манера возражать имела на нас большое влияние. Мы на него смотрели как на делового революционера, как на государственного человека *in spe*».²¹

Составитель словаря латинских выражений В.П. Сомов собрал фрагменты текстов русских писателей и публицистов, в которых используются латинские вкрапления на уровне отдельного слова, словосочетания, фразы.²²

Достаточно обширный список имен и текстовых фрагментов пополним тремя выписками из А.Ф. Писемского. Латинскими вкраплениями писатель характеризует речь отставного смотрителя уездного училища Петра Михайловича Годнева как человека, принадлежащего к кругу образованных:

1) – Фу-ты, какая королева! *Vene!.. optime!..* (хорошо!.. прекрасно! – здесь и далее воспроизводим перевод, даваемый в постраничных ссылках – **Б.Б.**);

2) Калинович снова приступил к чтению, и когда кончил, старик сделал ему ручкой и повторил несколько раз: - *Vene, optime, optime!*

3) – Не все, мать, хлопотать о полезном; позаботимся и о приятном. В жизни надо мешать *utile cum dulce* (полезное с приятным).²³

В XX веке латинский язык объединяет тех, кто стремится сохранить позиции латинской образованности в мире, тому свидетельством проведение международных конгрессов «живой латыни», выпуск журналов на латинском языке, сборников новолатинской поэзии.²⁴

«Язык образованных» как категория социально-групповой диалектологии сохраняет свою актуальность и в XX веке. В работе, датированной 1913 годом, Шарль Балли замечает: «Литературный язык имеет особую общественную ценность, это символ утонченности, высокого интеллектуального уровня, образованности. Лингвистика может его рассматривать не иначе, как один из специальных языков...».²⁵ Балли развивал идею стилистической рядоположенности языка художественной литературы с административным языком, языком науки, спортивным языком. Для нас же важно предложение Балли рассматривать литературный язык «как один из специальных языков». В другом месте той же книги Балли пишет о письменной латыни римлян следующее: «...они (римляне – **Б.Б.**) стали жертвой александрийцев – *docti poetae* «просвещенных поэтов», которые <...> превратили письменный язык в язык интеллектуальной верхушки...».²⁶

Далеко не все владеют этой высшей с точки зрения обработанности формой языка в той степени, какая не отличается от письменной его формы. В этом нетрудно убедиться, если перенести на бумагу тексты тех, кто профессионально обращается к аудитории, не имея перед собой написанного текста. Мы имеем в виду представителей «говорящих» профессий – отдельных политиков, политических комментаторов и искусствоведов, писателей и поэтов, лучших из профессорской среды и учительства. Обыденное, повседневное общение в такой среде осуществляется на том языке, который в немецкой филологии носит наименование литературного обиходно-разговорного языка образованных – *gebildete Umgangssprache*, по Кречмеру. Эта форма существования языка сохраняет налет местного произношения и включает определенное число лексических единиц локального происхождения. Языковой материал обиходно-разговорной речи нейтрален или слабо экспрессивен. По мнению, Р. Клаппенбах, обиходный язык образованных должен рассматриваться как составная часть слоя нейтральной лексики литературного языка. Литературный обиходно-разговорный язык противопоставлен другим социальным вариантам – жаргонам, аргю с их лексикой, отмеченной стилистически пометами *salopp* («небрежно»), *derb* («грубо»), *vulgär* («вульгарно»), но он и не нейтрален относительно нормы литературного языка. По мнению немецких лингвистов, эта форма все же представляет собой образование субстандартного порядка.²⁷

Венской окрашенностью, влиянием венского городского диалекта характеризу-

ется так называемый австрийский обиходный язык образованных, который по своей структуре и субстанции наиболее близко расположен к литературному языку Австрии. Этот тип языка Э.Кранцмайер называл «литературным или обиходным языком образованных» (*Hoch-oder Umgangssprache der Gebildeten*), а также «австрийским литературным языком» (*österreichische Hochsprache*), имея в виду национальное измерение в противовес *Bühnensprache* (немецкому языку сцены) как нормативному литературному языку Германии. Размежевание образованных в Австрии и образованных в Германии по языку – размежевание, образно говоря, по национальным квартирам. В иных обстоятельствах в основу разделения могут быть положены иные, например идеологические, основания. В годы фашизма, сопротивляясь экспансии гитлеровского рейха, швейцарская интеллигенция объединилась в «*Schwizer Sproch-Biwegig*» – Швейцарском языковом движении. Это было движение за возведение алеманского диалекта, выполняющего функции разговорного литературного языка, языка повседневного общения, в ранг национального языка.²⁸

Мы завершим нашу краткую статью о языке образованных, обратившись к материалу русского языка. Г.О. Винокур в историческом очерке русского языка отмечает заслуги Н.М.Карамзина в его борьбе за становление русского языка как средства общения в среде образованных, в культурной среде, где в этой функции использовался язык французский: «Признавая высокие качества русской речи, Карамзин вместе с тем зовет к «обработыванию» ее, то есть к тому, чтобы сделать ее надлежащим и достойным органом современной культуры. Это должен быть язык, пригодный в одинаковой степени и для беседы, – разумеется, в кругу лиц образованных, читающих, которые и говорить-то хотят не как попало, а хорошо и чисто, как мы сказали бы сейчас: «культурно». Это должен быть язык не домашний, а тот, с каким представитель культурного слоя является в обществе, обработанный и вычищенный по литературным образцам, но все же язык разговора, а не только академической речи и печатного рассуждения. Карамзин не скрывал от себя, что на деле эта функция в его время и в его среде принадлежала языку французскому, и именно с этим он и боролся».²⁹

Как мы имели возможность убедиться, язык образованных обладает категориальными признаками. Обладая свойствами родового объекта, этот социально-групповой диалект (термин Е.Д.Поливанова) представлен в коммуникативных процессах своими видами. Это, в частности, латинский язык европейских университетов Средневековья и латинские вкрапления в художественных и мемуарных текстах, верхненемецкий язык немецких канцелярий, австрийский и швейцарский разговорные языки образованных, русский литературный язык, используемый, наряду с французским языком, в качестве языка общения образованных дворянских кругов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков. Отв. ред. М.Е.Грабарь-Пассек и М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1970. С. 5.
2. *Гете И.В.* Фауст. Трагедия. Ч. I: Книга для чтения на немецком языке. – СПб.: КАРО, 2006. С. 62.
3. *Гете, И.В.* Фауст: Трагедия / Пер. с нем. Б. Пастернака. – М.: Моск. рабочий, 1982. С. 41.
4. *Гете, И.В.* Указ. соч. С. 86, 460. – И будете, как Бог, распознавать добро и зло (кн. 1, Бытие, гл. 3, стих 5).
5. *Гаспаров М.Л.* Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М.: Наука, 1975. С. 447.
6. Лирика Вагантов. Немецкая народная поэзия в переводах Л. Гинзбурга. Колесо фортуны. Сост. Н.Р. Малиновская – М.: Зеркало-М, 1998. С. 19.
7. *Гаспаров М.Л.* Указ. соч. С. 476.
8. *Ярцева В.Н.* О роли переводов в истории литературных языков // Вестник Ленинградского университета, 1980, сер. «История, язык, литература», вып. 4, № 20. С. 46.
9. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* История немецкого литературного языка IX—XV вв. – М.: Наука, 1983. С. 44—46.
10. Там же. С. 74—75.
11. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С.* История немецкого литературного языка XVI—XVIII вв. / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1984. С. 91—92.

ЭКОНОМИКА

12. *Бах А.* История немецкого языка – *Geschichte der deutschen Sprache* / Пер. с нем. Н.Н. Семенюк; Ред., предисл. и прим. М.М. Гухман. – М.: УРСС, 2003. С. 179.
13. *Семенюк Н.Н.* К характеристике разных видов варьирования в истории немецкого языка. // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / Отв. редакторы В.Н. Ярцева, М.М. Гухман. – М.: Наука, 1977. С. 116.
14. *Меншуткин Б.Н.* Ломоносов Михаил Васильевич // Русский биографический словарь. СПб, 1914. С. 597.
15. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Сочинения. В 3 т. Т. 2. Поэмы: Евгений Онегин; Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 189.
16. *Герцен А.И.* Былое и думы / Предисл. В. А. Путинцева. – М.: Дет. Лит., 1975. С. 78.
17. Там же. С. 487.
18. Там же. С. 87.
19. Там же. С. 443.
20. Там же. С. 365.
21. Там же. С. 170.
22. *Сомов В.П.* По латыни между прочим: Слов. латин. выражений / В. Сомов. М.: ГИТИС, 1992. 226, [3] с ил.
23. *Писемский А.Ф.* Тысяча душ // Собр. соч. В 5 т. Т. 3. – М.: Худож. лит-ра, 1983. С. 25, 87 и 55 соотв.
24. *Боровский Я.М.* Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса) // Проблемы международного вспомогательного языка. – М.: Наука, 1991. С. 76.
25. *Балли, Шарль.* Язык и жизнь / Пер. с фр. И.И. Челышевой и Е.А. Вельмезовой; Вступ. ст. В.Г. Гака. – М.: УРСС, 2003 (Тип. Рохос). С. 42—43.
26. Там же. С. 181.
27. *Домашнев А.И.* Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи. СПб.: Наука, 2001. С. 131.
28. *Домашнев А.И.* Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. – СПб.: Наука, 2005. С. 873 и 882.
29. *Винокур Г.О.* Русский язык: Исторический очерк / Г.О. Винокур; Предисл. В.М. Алпатова. Изд. 3-е. М.: КомКнига, 2006. С. 148.